ПЬЕСЫ ГРИБОЕДОВА НА СЦЕНЕ

Как известно, цензура помешала Грибоедову при жизни увидеть «Горе от ума» на столичной сцене; но это не значит, что он не знал радостей театрального успеха при свете огней рампы. Уже в 1815 г., 29 сентября, на сцене петербургского театра идет его комедия в одном действии «Молодые супруги», причем начинающий автор имеет удовольствие видеть игру в этой пьесе выдающихся артистов тогдашней труппы — Семеновой, Сосницкого и Брянского.

24 января 1818 г. в Малом театре в Петербурге идет комедия в 3 действиях «Своя семья, или замужняя невеста», написанная совместно Грибоедовым, Шаховским и Хмельницким; в ней были заняты Сандунова, Сосницкий, Валберхова и др. Через три недели, 11 февраля, на сцене Большого театра представлена «Притворная неверность» — переработанная Грибоедовым и Жандром комедия французского драматурга Барза. 10 ноября 1819 г. в бенефис Брянского шел водевиль Грибоедова «Проба интермедий»; 24 января 1824 г. на московской сцене с большим успехом играется «опера-водевиль» «Кто брат, кто сестра, или обман за обманом», написанная Грибоедовым совместно с П. А. Вяземским, другом Пушкина.

Сценическая жизнь лучшего создания Грибоедова — «Горе от ума» — начинается с 2 декабря 1829 г., когда была впервые поставлена одна картина первого действия на петербургской сцене. Здесь же 5 февраля 1830 г. шло третье действие этой комедии, причем Чацкого играл Каратыгин, Фамусова — Рязанцев, Софью — Семенова (младшая), Молчалина — Дюр, Лизу — Монготье. Впервые «целиком» шла эта комедия на петербургской сцене 26 января 1831 г. в бенефис Брянского. На московской сцене она шла впервые в 4 актах 27 ноября 1831 г., причем Фамусова играл Щепкин, а Чацкого — Мочалов.

Значило ли это, что зрители, наконец, увидели и услышали «Горе от ума», с 1825 г. запрещенное для сцены? Нет, так как из комедии Грибоедова была вынута вся ее «злость» и весь ее гнев против фамусовского общества. Целое десятилетие, вплоть до 1862 г. (издание Тиблена), в печатной редакции текста вместо: «Да он властей не признает» читалось: «Он никого не признает»; вместо: «Он хочет вольность проповедать» — «Вот что он вздумал проповедать».

Читатель и зритель не должны были знать, что Фамусов «монашеским известен поведеньем», что Скалозуб говорит «Да чтоб чины добыть» и проч. Даже знаменитое

«Кричали женщины — ура!
И в воздух чепчики бросали»

не было известно читателям 1830—1850 годов.

В этих условиях говорить об образах, созданных нашими великими актерами в комедии Грибоедова, можно лишь условно. Ни Щепкин, ни Самарин, ни Ленский, ни Рыбаков, ни Южин — лучшие Фамусовы московской сцены — не обладали возможностью воплотить замысел Грибоедова полностью, хотя их игра в этой роли справедливо считается классической.

Хуже обстояло дело со сценическими Чацкими. Ни Каратыгин, ни Мочалов не оказались значительными Чацкими, и впервые эту роль создал тот же И. В. Самарин.

Ряд талантливейших актеров русской сцены прошел через «Горе от ума», от роли к роли, как через одну из лучших школ сценического реализма. В. И. Живокини, например, был и Репетиловым, и Загорецким, и Горичем; С. В. Шумский — и Чацким, и Репетиловым, и Загорецким; А. А. Яблочкина — и Софьей, и Хлестовой, и Горичевой. Это же происходит сейчас и на сцене МХАТ, на которой В. И. Качалов был и Чацким, и Репетиловым, и ныне снова стал Чацким, а М. М. Тарханов, прежде чем стать Фамусовым, был Горичем.

Невозможно в небольшой статье охватить все этапы и перевалы, через которые прошло «Горе от ума» за свою 109-летнюю сценическую жизнь. Оно прошло и через глубокие актерские характеристики Федотовой, Ермоловой, Макшеева, Садовской, Давыдова, Мартынова, Асенковой, Савиной, Стрельской, Сазонова, Варламова, Никулиной, Остужева, Леонидова, Вишневского, Лужского (помимо названных выше), и через невежественные постановки дежурных «режиссеров» императорских сцен, и через формалистические извращения различных «новаторов», и через глубокое понимание и любовь таких исключительно культурных и одаренных постановщиков, как В. И. Немирович-Данченко, имевший рядом с собой замечательного исполнителя роли Фамусова — Станиславского.

«Горе от ума» вполне выдержало испытание временем и, рядом с «Ревизором», является подлинной жемчужиной русского классического репертуара.

И ныне оно живет полной жизнью на лучших сценах Советской страны.

«ГОРЕ ОТ УМА» в МАЛОМ ТЕАТРЕ. На снимках (слева направо): 1) Народный артист СССР М. М. Климов — Фамусов. 2) Бал у Фамусова. 3) М. И. Царев — Чацкий

Александр Сергеевич Грибоедов, его жизнь и гибель

К 110-летию СО ДНЯ СМЕРТИ ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ

Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества, — все в нем было необыкновенно привлекательно.

А. ПУШКИН

Всадник в черном ехал по горному ущелью. Конь мчался резво, плащ развевался по ветру, было хорошо. Три потока с шумом и пеной низвергались с высокого берега. Всадник переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. «Откуда вы?» — спросил их ездок. — «Из Тегерана». — «Что вы везете?» — «Грибоеда». Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис. Пушкин снял картуз, лицо его омрачилось. Он любил этого человека. Как странно: перед от'ездом в Персию Грибоедов говорил ему о зловещем предчувствии, и вот это предчувствие оправдалось. Фанатически настроенная толпа персов, мстя царским колонизаторам, разгромила посольство и перерезала всю миссию.

«Живой из Персии не вернусь», — упорно повторял Грибоедов. Император осыпал его милостями, ему дали орден, деньги, высокое звание полномочного министра, но поэт был угрюм и зол, он не хотел ехать. «Все, чем я до сих пор занимался, — для меня дела посторонние,— писал Грибоедов другу своему Бегичеву.— Голова моя полна, и я чувствую необходимую потребность писать». Но писать поэту не давали: он должен был нести государственную службу, и его заставляли делать это против собственной воли.

Жить было невыносимо. Грибоедов писал отчаянные письма: «Люди мелки, дела их глупы, душа черствеет, рассудок затемняется и нравственность гибнет без пользы ближнему. Я рожден для другого поприща». Но вместо этого высокого поприща поэту навязывали мундир, ненавистный мундир, «расшитый и красивый».

Кругом были чужие люди. Грибоедов презирал всей силой своей озлобленной души эту низкопробную светскую чернь, он говорил другу: «Вчера я обедал со всею сволочью здешних императоров. Не могу пожаловаться — отовсюду коленопреклонение и фимиам, но вместе с тем сытость от их дурачеств и сплетен, их мишурных талантов и мелких их душишек. Какой мир! Кем населен! И какая это дурацкая история!»

Грибоедов мечтал вырваться из этого «трясинного государства». Но приходилось выполнять ненавистную службу; недоставало сил раз и навсегда бросить все и отдаться любимому делу.

А. С. Грибоедов родился в старинной барской семье. Дом Грибоедовых в Москве в начале XIX века считался одним из самых высокочтимых, он принадлежал к тому небольшому кругу, который составлял московский высший свет. Грибоедов мог с самого детства видеть вокруг себя героев своей будущей комедии, ему с пеленок проповедывалась мораль Фамусова и Молчалина. Всесильный дядюшка Алексей Федорович Грибоедов ревностно внушал чинопочитание и низкопоклонство, а дальний родственник екатерининский вельможа Новосильцев был в семье таким же идеалом, каким являлся для Фамусова покойный дядя Максим Петрович.

Чудом мальчик уберег себя от тлетворного влияния всех этих людей. Ум и способности юноши были поистине феноменальны: тринадцати лет от роду он поступил в Московский университет, «знавши уже совершенно французский, немецкий и английский языки и понимавший свободно в оригинале всех латинских поэтов; в дополнение к этому он имел необыкновенную способность к музыке, играл отлично на фортепиано и, если бы посвятил себя только этому искусству, то, конечно, сделался бы первоклассным артистом» (С. Бегичев).

В то время когда вся русская литература раболепно копировала Корнеля и Расина, Грибоедов очень ясно видел всю стеснительность французских классических правил, мешавших свободному и полному развитию художественного творчества. Юный студент в своих взглядах был настолько решительным, что не побоялся написать злую пародию «Дмитрий Дрянской», высмеивая насквозь фальшивую трескучую трагедию Озерова «Дмитрий Донской», написанную по ложному образцу французских произведений. Сам он зачитывался «Фаустом» Гете и знал многое наизусть из Шекспира, Шиллера и Байрона. Любимым комедиографом был веселый и злой Жан-Батист Поклен. Именно на этой почве зрел талант реалиста и сатирика, смутно представлявшего уже себе ситуации и характеры будущего «Горя от ума».

Но Александр Грибоедов не был ученым книжником и педантом. Как всякий человек крупного дарования, он не мог стоять поодаль от общественной жизни своего времени. Страна переживала величественные годы отечественной войны. Был 1812 год. Грибоедов прямо со студенческой скамьи пошел добровольцем в гусарский полк. Но французы повсюду уже отступали, и молодому человеку не удалось показать своей удали. Зато Грибоедов многое разузнал о войне, о тех людях, которые с дрекольем в руках уничтожали могущественные полки Наполеона, с тем чтобы, вернувшись к себе в деревню, снова ощутить у себя на спине «милость» спасенных ими помещиков. Юный поэт задумал написать трагедию на необыкновенную тему. Его героем должен был стать крепостной мужик, совершавший героические подвиги на полях сражения. Ничтожные военачальники его упорно не замечали и отпустили домой «с отеческим» наставлением к «покорности и воздержанию». Драма кончается тем, что герой, вернувшись после войны к своему помещику, не выдерживает позора телесных наказаний и вешается. Трагедия о 1812 годе написана Грибоедовым не была, остался только предварительный план к ней, но уже и по этому плану видно, насколько остро художник умел вглядываться в жизнь, насколько хорошо ему удавалось отыскивать типические обстоятельства, находить главные общественные конфликты и открыто, резко выражать свои симпатии и антипатии.

За время пребывания в полку Грибоедов сблизился с кн. Шаховским, известным театроманом, тот его пристрастил к театру. И Грибоедов стал шутя пописывать для младых актрис бойкие водевили на французский лад. Написал он вместе с Шаховским и Хмельницким веселую комедию «Своя семья», перевел с Жандром «Притворную неверность», одним словом, в короткое время он стал «почетный гражданин кулис» и настолько увлекся своей новой ролью, что даже дрался на дуэли из-за Истоминой.

Но веселая петербургская жизнь скоро кончилась. Не успел Грибоедов определиться чиновником министерства иностранных дел, как его отправили в дипломатическую миссию на Кавказ. Начались дни тоскливого одиночества. Он писал из Тифлиса другу своему Кюхельбекеру: «Теперь в поэтических своих занятиях доверяюсь одним стенам. Им кое-что читаю изредка свое или чужое, а людям ничего: никому». Грибоедов дописывал «Горе от ума». Была осень 1822 года, его окружали «избалованные дети тучности и пищеварения», а он уходил в мир своих героев, запирался у себя в комнате и целыми ночами напролет писал. Поэт вверял свои мысли и чувства юному Александру Андреевичу Чацкому, тому новому еще для русского общества человеку, подчинившему в себе эгоистические побуждения идеалам гражданственности и свободомыслия. Десятки живых людей стояли перед Грибоедовым, когда он создавал своего героя, и чаще, чем о других друзьях, он, может быть, творя, вспоминал вдохновенного бунтаря Кюхельбекера и мудрого скептика Чаадаева.

Слишком много злобы накопилось в душе, надо было все это выплеснуть, нельзя было жить с окружающими, не уничтожая их, не нанося им смертельных ран. И Грибоедов разил в самое сердце своим ядовитым пером этот ненавистный ему мир: вельмож, «грабительством богатых, аракчеевских гвардионцев, задающих в обществе тон, низкопоклонников и льстецов с их девизом «умеренность и аккуратность»; безмозглых краснобаев, мошенников и шулеров, ютящихся под сенью высоких покровительств, — весь этот сброд, всю эту отвратительную светскую чернь!

Сегодня еще поэт читал комедию стенам своей одинокой комнаты, а завтра уж дерзкие стихи гремели по всей России. Успех «Горя от ума» был совершенно необычен. О напечатании комедии не могло быть и речи. Только через три года появились небольшие отрывки в журнале «Русская Талия», но вся молодая Россия зачитывалась гениальным творением Грибоедова.

«Ныне нет ни одного малого города,— писал современник, — нет дома, где любят словесность, где бы не было списка сей комедии». На читателей она производила огромное впечатление. Когда А. Бестужеву попали в руки отрывки из «Горя от ума», он, прочтя их, был потрясен: «Я поглотил эти отрывки, я трижды перечитал их. Вольность русского языка, пронзительное остроумие, оригинальность характера и это благородное негодование ко всему низкому, эта гордая смелость в лице Чацкого — проникла в меня до глубины души».

А светские шаркуны сочиняли на комедию нижеследующие куплеты:

Не говори, что дважды два четыре,
Я «Горе от ума» тебе при сем пришлю,
Четыре акта в нем и ровно все четыре
Равны не дважды двум, а одному нулю.

Интерес к комедии был всеобщим. «Грому, шуму, восхищению, любопытству конца нет», — писал Грибоедов.

Естественно, что многим хотелось видеть «Горе от ума» на сцене, но пробраться через цензорские рогатки было немыслимо.

Грибоедов еще сильнее озлился, бросил столицу и уехал в Крым. Но и тут его донимали те самые люди, от которых он спасался, покидая Петербург, и раздосадованный поэт писал: «Фу, злодейство! Да, мне не весело, скучно, отвратительно, несносно... Чудесно всю жизнь свою прокатиться на четырех колесах, кровь волнуется, высокие мысли бродят и мчат за обыкновенные пределы нелепых опытов...»

В том же мрачном состоянии духа Грибоедов приехал на Кавказ. Шли бои с чеченцами. Чтобы как-нибудь заглушить тоску, поэт отправлялся на линию огня и бесстрашно раз'езжал под пулями. В эти же дни он писал отчаянные письма другу: «Мне так скучно, так грустно, — писал он, — скажи мне что-нибудь в отраду: я с некоторых пор мрачен до крайности, пора умереть. Сделай одолжение, подай совет, чем мне избавить себя от сумасшествия или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди».

Спасение было в одном творчестве, но и творить можно было только в уединении. Только в уединении, скрывшись от аракчеевских шпионов, можно было читать такие стихи:

О люди! Кто назвал людьми исчадье зла,
Которых от кровей утробных
Судьба на то произвела,
Чтоб были гибелью, бичом себе подобных!

Это строфа из недописанной предсмертной трагедии Грибоедова. В ней женщина из народа клеймит князей, ее устами говорит сам поэт, проклинающий властителей... Печатать трагедию было невозможно. Поэт все, что писал, прятал в ящик стола. Дни тянулись тоскливо и однообразно. Но вдруг все изменилось: из Петербурга прискакал фельд'егерь с сообщением о необычайном событии, совершившемся на Сенатской площади четырнадцатого декабря. Грибоедов сжал кулаки, улыбнулся и пробормотал: «Вот теперь в Петербурге идет кутерьма. Чем-то кончится». Через несколько месяцев автору «Горя от ума» было сказано: «Александр Сергеевич, воля государя императора, чтобы вас арестовать».

Арестанта посадили в полицейскую карету и повезли через всю Россию на допрос в генеральный штаб. В следственной комиссии по делу декабристов Грибоедов написал: «В заговоре я не участвовал, но заговорщиков всех знал и умысел мне их был известен...». Тогда стоявший рядом с ним доброжелатель схватил его за руку и шепнул: «Что вы пишете! Пишите — знать не знаю, ведать не ведаю». Грибоедов послушался. Через несколько месяцев, в результате усиленных хлопот влиятельных лиц, поэта выпустили на свободу. Грибоедов избежал ссылки. Официально его признали непричастным к декабрьскому движению. Но разумом и сердцем своим он во многом был с ними. Герой поэта громко, со всем пылом своей души провозглашает идеалы гражданственности и патриотизма, его разум пытлив и воинственен, и потому с такой силой Чацкий обрушивается на подлый мир стяжательства и лицемерия. Миллион терзаний у него в сердце, но когда герой покидает фамусовский дом, он уходит победителем. Победу ему принесла история.

Трагедия о личности, посмевшей свободно и честно думать, звучит в наши дни торжественным гимном правдивому и дерзкому уму.

Свободный народ освободил человеческую мысль от терзаний и гнета, и теперь к творению Грибоедова, озаглавленному словами «Горе уму!», можно поставить эпиграфом пушкинский стих:

Да здравствует разум!

Г. БОЯДЖИЕВ

... Лет двадцать назад в современной критике довольно упорно держалось мнение, что «Горе от ума» — пьеса вообще мало сценичная и устарелая, благодаря примитивности фабулы, и что интерес к ней поддерживается только ее чудесными стихами. И не только актеры заботились прежде всего о том, как они будут произносить те или другие знаменитые стихи и монологи, но и театралы, приходившие смотреть новых исполнителей, оценивали их с той же точки зрения, вспоминая, как эти стихи произносились славными предшественниками новых актеров... Художественный театр подошел к постановке «Горе от ума» прежде всего со стороны фабулы пьесы.

Вл. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

БЕССМЕРТНАЯ КОМЕДИЯ

А. С. ПУШКИН

Слушал Чацкого, но только один раз и не с тем вниманием, коего он достоин. Вот что мельком успел я заметить. Драматического писателя должно судить по законам, им самим над собой признанным. Следовательно, не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличий комедии Грибоедова. Цель его — характеры и резкая картина нравов. В этом отношении, Фамусов и Скалозуб превосходны. Софья начертана неясно: не то ..... не то московская кузина. Молчалин не довольно резко подл; не нужно ли было сделать из него и труса? старая пружина—но штатский трус в большом свете между Чацким и Скалозубом мог быть очень забавен. Les propos du bal, сплетни, рассказ Репетилова о клубе, Загорецкий, всеми от'явленный и везде принятый, — вот черты истинно-комического гения... О стихах я не говорю: половина — должна войти в пословицу.

Покажи это Грибоедову. Может быть я в ином ошибся. Слушая его комедию, я не критиковал, а наслаждался. Эти замечания пришли мне в голову после, когда уже не мог я справиться. По крайней мере, говорю я прямо, без обиняков, как истинному таланту.

(Из письма к А. А. Бестужеву, 25 янв. 1825 г.).

Н. В. ГОГОЛЬ

Комедия Грибоедова выставила болезни от дурно-понятого просвещения, от принятия глупых светских мелочей на место главного, словом — взяла Донкишотскую сторону нашего европейского образования, не связавшуюся смесь обычаев, сделавшую русских не русскими, но иностранцами.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

Комедия Грибоедова есть истинная divina comedia! Это совсем не смешной анекдотец, переложенный на разговоры,— не такая комедия, где действующие лица нарицаются Добряковыми, Плутоватиными, Обираловыми и проч.; ея персонажи давно были вам известны в натуре, вы видели, знали их еще до прочтения «Горе от ума», и, однако-ж, вы удивляетесь им, как явлениям совершенно новым для вас; вот высочайшая истина поэтического вымысла! Лица, созданные Грибоедовым, не выдуманы, а сняты с натуры во весь рост, почерпнуты со дна действительной жизни; у них не написано на лбах их добродетелей и пороков, но они заклеймены печатью своего ничтожества, заклеймены мстительной рукой палача-художника. Каждый стих Грибоедова есть сарказм, вырвавшийся из души художника в пылу негодования; его слог есть par exellence разговорный.

...Конечно, это произведение не без недостатков в отношении к своей целости, но оно было первым опытом таланта Грибоедова, первою русской комедией; да и сверх того, каковы бы ни были эти недостатки, они не помешают ему быть образцовым, гениальным произведением и не в русской литературе, которая в Грибоедове лишилась Шекспира комедии...

И. А. ГОНЧАРОВ

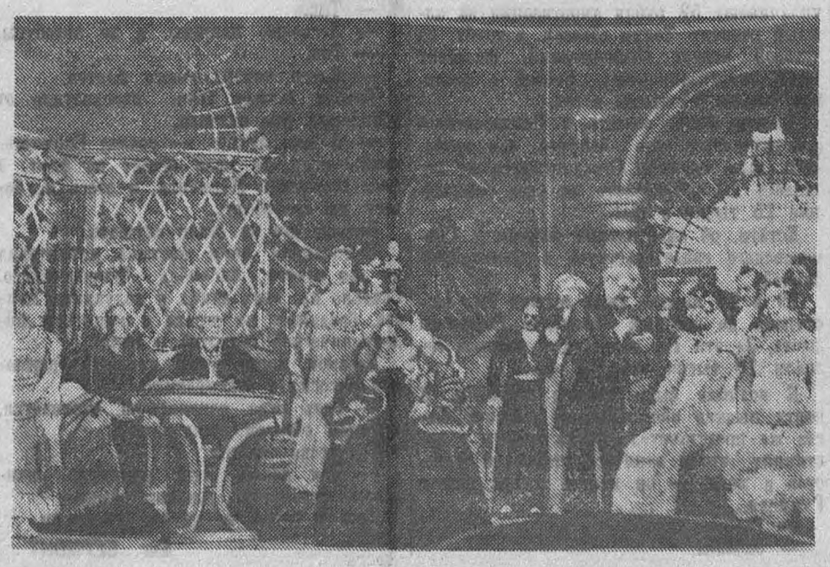
Комедия «Горе от ума» держится каким-то особняком в литературе и отличается моложавостью, свежестью и более крепкой живучестью от других произведений слова. Она, как столетний старик, около которого все, отжив по очереди свою пору, умирают и валятся, а он ходит, бодрый и свежий, между могилами старых и колыбелями новых людей. И никому в голову не приходит, что настанет когда-нибудь и его черед.

...Комедия «Горе от ума» есть и картина нравов, и галлерея живых типов, и вечно-острая, жгучая сатира и вместе с тем и комедия, и скажем сами за себя — больше всего комедия — какая едва ли найдется в других литературах... Как картина она, без сомнения, громадна. Полотно ее захватывает длинный период русской жизни — от Екатерины до императора Николая. В группе двадцати лиц отразилась, как луч света в капле воды, вся прежняя Москва, ее рисунок, тогдашний ее дух, исторический момент и нравы. И это с такой художественною, об'ективною законченностью, какая далась у нас только Пушкину и Гоголю.

В рукописных фондах Литературного музея хранится несколько списков комедии «Горе от ума», сделанных при жизни автора. Особый интерес вызывает «Званцевский» список, принадлежавший приятельнице Грибоедова Званцевой. Этот список, сделанный, очевидно, с оригинала, является одним из основных.

Есть в музее и несколько подлинных писем А. С. Грибоедова; наиболее примечательно письмо его к жене, написанное 24 декабря 1828 года из города Казвина. В этом письме Грибоедов пишет: «Завтра мы отправимся в Тейран» (Тегеран). Письмо из Казвина было отправлено поэтом незадолго до трагической смерти. В письме 1820 года к чиновнику Рышлевскому, жившему в Тифлисе, Грибоедов рассказывает о Персии.

Любопытны дипломатические документы, подписанные Грибоедовым; среди них служебное письмо к министру иностранных дел Нессельроде с подписью — «Полномочный министр А. С. Грибоедов».



«ГОРЕ ОТ УМА» в МХАТ СССР им. ГОРЬКОГО. На снимках (слева направо): 1) Народный артист СССР М. М. Тарханов — Фамусов. 2) Бал у Фамусова. 3) Засл. артистка РСФСР А. И. Степанова — Софья, народный артист СССР В. И. Качалов — Чацкий и засл. артистка РСФСР О. Л. Андровская — Лиза. 4) Народный артист СССР В. И. Качалов — Чацкий